

НАКАЗАНИЕ — понятие, получившее философскую размерность после выхода книги Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975). Начиная книгу с описания публичной казни некоего Дамьена, покушавшегося на Людовика XV (1757), а также воспроизводя распорядок дня для Парижского дома малолетних заключенных (1838), Фуко приходит к выводу о том, что в течение менее чем века (середина 18 — первая треть 19 в.) произошло «исчезновение публичных казней с применением пыток»; «за несколько десятилетий исчезло казнимое, пытаемое, расчленяемое тело, символически клеймимое в лицо или плечо, выставляемое на публичное обозрение живым или мертвым. Исчезло тело как главная мишень судебно-уголовной репрессии»;

В итоге, по мысли Фуко, «наказание постепенно становится наиболее скрытой частью уголовной процедуры»; «из наказания исключается театрализация страдания». Наказание переходит из области «едва ли не повседневного восприятия» в сферу «абстрактного сознания»; правосудие больше не берет на себя публично ответственность за насилие, связанное с его отправлением.

По Фуко, «техника исправления вытесняет в наказании собственно искупление содеянного зла и освобождает судей от презренного карательного ремесла». Происходит ослабление власти над телом человека; «тело служит теперь своего рода орудием или посредником: если на него воздействуют тюремным заключением или принудительным трудом, то единственно для того, чтобы лишить индивида свободы, которая считается его правом и собственностью. [...]

На смену палачу, этому прямому анатому страдания, приходит целая армия специалистов: надзиратели, врачи, тюремные священники, психиатры, психологи, воспитатели». На что же направлена в настоящее время (и по сей день) система исполнения наказаний? — вопрошает Фуко и сам отвечает, цитируя Мабли: «Наказание, скажем так, должно поражать скорее душу, чем тело». «Преступление и проступок» как объект судебно-уголовной практики глубоко изменилось: судят юридические объекты, определенные в Кодексе, но, согласно Фуко, «судят также страсти, инстинкты, аномалии, физические недостатки, непригодность, последствия воздействия среды или наследственности; наказывают акты агрессии, но через них и агрессивность; ...убийства, но также влечения и желания». Общество, таким образом, начало судить уже не преступления, а «душу» преступников, в структуру судопроизводства и вынесения судебного приговора «внедрил» целый комплекс оценочных, диагностических, прогностических и нормативных суждений о преступном индивиде». (С точки зрения Фуко, «душа в ее исторической реальности... порождается процедурами наказания, надзора и принуждения».) Как подчеркивает

Фуко, под возросшей мягкостью наказания можно уловить смещение точки его приложения, а вследствие этого — «целое поле новых объектов, новый режим истины и множество ролей, дотоле небывалых в отправлении уголовного правосудия.

Знание, методы, «научные» дискурсы формируются и постепенно переплетаются с практикой власти наказывать». Цель «Н.иН.», по формулировке самого Фуко, «сравнительная история современной души и новой власти судить, генеалогия нынешнего научно-судебного единства, в котором власть наказывать находит себе основания, обоснование и правила, благодаря которому она расширяет свои воздействия и маскирует свое чрезмерное своеобразие». В этом контексте Фуко формулирует четыре «основных правила» своего исследования: 1) Наказание необходимо рассматривать как сложную общественную функцию. 2) Карательные методы суть техники, обладающие собственной спецификой в более общем поле прочих методов отправления власти; наказание, таким образом, выступает определенной политической тактикой. 3) История уголовного права и история гуманитарных наук имеют общую «эпистемолого-юридическую» матрицу; технология власти должна быть положена в основу как гуманизации уголовного права, так и познания человека. 4) Появление «души» в сфере уголовного правосудия, сопряженное с внедрением в судебную практику корпуса «научного» знания, есть следствия преобразования способа захвата тела как такового отношениями власти.

Как отмечает Фуко, в современных обществах карательные системы должны быть вписаны в определенную «политическую экономию» тела.

Тело захватывается отношениями власти и господства главным образом как производительная сила, но оно становится полезной силой только в том случае, если является одновременно телом производительным и телом подчиненным. По Фуко, «возможно» знание тела, отличающееся от знания его функционирования, и возможно овладение его силами, представляющее собой нечто большее, нежели способность их покорить: знание и овладение, образующие то, что можно назвать политической технологией тела».

Призывая анализировать «микрофизику власти», Фуко постулирует, что власть — это стратегия, а не достояние, это «механизмы, маневры, тактики, техники, действия». Это «сеть неизменно напряженных, активных отношений», а не «привилегия, которой можно обладать». Это «совокупное воздействие стратегических позиций» господствующего класса.

Отношения власти у Фуко «не локализуются в отношениях между государством и

гражданами", для них характерна "непрерывность", они "выражаются в бесчисленных точках столкновения и очагах нестабильности, каждый из которых несет в себе опасность... временного изменения соотношения сил". При этом особо важно, по мысли Фуко, то, что: а) власть производит знание; б) власть и знание непосредственно предполагают друг друга; в) нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти.

С точки зрения Фуко, "познающий субъект, познаваемые объекты и модальности познания представляют собой проявления этих фундаментальных импликаций отношения "власть — знание" и их исторических трансформаций...

Полезное для власти или противящееся ей знание производится не деятельностью познающего субъекта, но властью — знанием, процессами и борьбой, пронизывающими и образующими это отношение, которое определяет формы и возможные области знания". Результатом такого подхода выступает, по мысли Фуко, отказ (применительно к проблематизациям власти) от оппозиции "насилие — идеология", от метафоры собственности, от модели познания, где главную роль исполняет "заинтересованный" или "незаинтересованный", "корыстный" либо "бескорыстный" субъект. "Реальная и нетелесная" душа, порожденная карательными практиками современного общества, суть "механизм, посредством которого отношения власти порождают возможное знание, а знание распространяет и укрепляет воздействия власти". Как подчеркивает Фуко, из этой "реальности-денотата" были определенным образом отстроены соответствующие "области анализа (такие, как психика, субъективность, личность, сознание и т.п.)"; основываясь на ней, были возведены "научные методы и дискурсы", предъявлены "моральные требования гуманизма".

При этом, согласно Фуко, "человек" не был замещен "душой"; "душа есть следствие и инструмент политической анатомии; душа — тюрьма тела".

Исследуя процедуры пыток, длительное время характерные для следственных действий и публичных казней, Фуко отмечает, что пытка "обнаруживала истину и демонстрировала действие власти, обеспечивала связь письменного с устным, тайного с публичным, процедуры расследования с операцией признания".

Как утверждает Фуко, отношение «истина — власть» остается «в центре всех карательных механизмов и сохраняется даже в современной уголовно-судебной практике — но совсем в другой форме и с совершенно иными последствиями». Комментируя стремление идеологов Просвещения посредством осуждения особой жестокости публичных казней очертить «законную границу власти карать», Фуко подчеркивает: «Человек... становится также человеком-мерой: не вещей, но власти». Как «замечательное стратегическое совпадение» обозначается в «Н.иН.» то обстоятельство, что «прежде чем сформулировать принципы нового наказания, реформаторы ставили в упрек традиционному правосудию именно чрезмерность наказаний, но чрезмерность, которая связана больше с отсутствием правил, чем со злоупотреблением властью наказывать».

Целью судебно-правовой реформы в этот период выступала, согласно Фуко, новая «экономия власти» наказывать, ее лучшее распределение, — «чтобы она не была ни чрезмерно сконцентрирована в нескольких привилегированных точках, ни слишком разделена между противостоящими друг другу инстанциями, но распределялась по однородным кругам, могла действовать повсюду и непрерывно, вплоть до мельчайшей частицы социального тела».

Необходимо было «увеличить эффективность власти при снижении ее экономической и политической себестоимости».

В целом, с точки зрения Фуко, содержанием судебно-уголовной реформы Нового времени явилось следующее: «сделать наказание и уголовное преследование противозаконностей упорядоченной регулярной функцией, сопряженной с обществом; не наказывать меньше, но наказывать лучше; может быть, наказывать менее строго, но для того чтобы наказывать более равно, универсально и неизбежно; глубже внедрить власть наказывать в тело общества». Реформа уголовного права, как фиксируется в «Н.иН.», возникла на стыке борьбы со сверхвластью суверена и с инфравластью противозаконностей, право на которые завоевано или терпится. Тем самым система уголовных наказаний стала рассматриваться как «механизм, призванный дифференцированно управлять противозаконностями, а не уничтожить их все». Должна была сложиться ситуация, когда враг всего общества — преступник — участвует в применяемом к нему наказании.

Уголовное наказание оказывалось в этом смысле «общественной функцией, сопряженной со всем телом общества и с каждым его элементом». Фуко формулирует несколько главных правил, на которых отныне основывалась

«семиотическая техника власти наказывать»: 1) правило минимального количества: с идеей преступления связывалась идея скорее невыгоды, нежели выгоды; 2) правило достаточной идеальности: сердцевину наказания должно составлять не столько действительное ощущение боли, сколько идея боли — «боль»; от идеи «боли»; 3) правило побочных эффектов: наказание должно оказывать наибольшее воздействие на тех, кто еще не совершил проступка; 4) правило абсолютной достоверности: мысль о всяком преступлении и ожидаемой от него выгоде должна быть необходимо и неразрывно связана с мыслью о наказании и его результате — законы должны быть абсолютно ясными и доступными каждому; 5) правило общей истины: верификация преступлений должна подчиняться критериям, общим для всякой истины — отсюда, в частности, идея «презумпции невиновности» — научное доказательство, свидетельства органов чувств и здравый смысл в комплексе должны формировать «глубинное убеждение» судьи; 6) правило оптимальной спецификации: необходима исчерпывающе ясная кодификация преступлений и наказаний — при конечной ее цели в виде индивидуализации (особо жесткое наказание рецидивистов как осуществивших намерения очевидно преступной собственной воли). Фуко обращает особое внимание на следующее: в начале 19 в. «... в течение очень короткого времени тюремное заключение стало основной формой наказания ... различные формы тюремного заключения занимают почти все поле возможных наказаний между смертной казнью и штрафами». Воспоследовавшая в процессе судебно-правовой реформы детализация жизни и быта заключенных в тюрьме означала технику исправления, направленную на формирование покорного субъекта, подчиненного власти, которая «постоянно отправляется вокруг него и над ним и которой он должен позволить автоматически действовать в себе самом». (Речь, по мысли Фуко, уже не шла о восстановлении оступившегося «юридического субъекта общественного договора».) Из трех способов организации «власти наказывать» — а) церемониале власти суверена с публичными пытками и казнями, б) определение и восстановление «оступившихся» субъектов как субъектов права посредством использования систем кодированных представлений и в) института тюрьмы — возобладал последний. (По оценке Фуко: было отдано предпочтение не «пытаемому телу», не «душе и ее манипулируемым представлениям», но «муштруемому телу».) Начали доминировать техники принуждения индивидов, методы телесной муштры, оставляющей в поведении следы в виде привычек. Фуко задает вопрос: «Как принудительная, телесная, обособленная и тайная модель власти наказывать сменила репрезентативную, сценическую, означающую, публичную, коллективную модель? Почему физическое отправление наказания (не пытка) заменило — вместе с тюрьмой, служащей его институциональной опорой, — социальную игру знаков наказания и распространяющее их многословное празднество?» По мысли Фуко, в классический век произошло «открытие тела как объекта и мишени власти». Но уже в 17—18 вв. общими формулами господства стали «дисциплины» — методы, делающие возможными детальнейший контроль над действиями тела, постоянное подчинение его сил, навязывание последним отношений послушания — полезности.

Дисциплина /естественно, Фуко имеет в виду и производственную дисциплину — А.Г./ продуцирует «послушные» тела: она увеличивает силы тела (с точки зрения экономической полезности) и уменьшает те же силы (с точки зрения политического послушания). Как пишет Фуко, «взвешивание деталей и одновременно политический учет мелочей, служащих для контроля над людьми и их использования, проходят через весь классический век, несут с собой целую совокупность техник, целый корпус методов и знания, описаний, рецептов и данных.

И из этих пустяков, несомненно, родился человек современного гуманизма». Прежде всего, согласно Фуко, дисциплина связана с «распределением индивидов в пространстве». Используются следующие методы: а) отгораживание, при этом «клеточное» («каждому индивиду отводится свое место, каждому месту — свой индивид»); б) функциональное размещение; в) организация пространства по рядам и т.д. Дисциплина устанавливает «контроль над деятельностью» посредством: а) распределения рабочего времени; б) детализации действий во времени; в) корреляции тела и жеста — например, оптимальная поза ученика за партой; г) уяснения связи между телом и объектом действий — например, оружейные приемы; д) исчерпывающего использования рабочего времени и т.д. Согласно Фуко, «посредством этой техники подчинения начинает образовываться новый объект... Становясь мишенью новых механизмов власти, тело подлежит новым формам познания.

Это скорее тело упражнения, чем умоизмерительной физики».

В рамках разработки указанных контролирующих и дисциплинирующих упражнений происходило освоение властью процедур суммирования и капитализации времени. Как пишет Фуко, обнаруживаются: «линейное время, моменты которого присоединяются друг к другу и которое направлено к устойчивой конечной точке (время «эволюции»)»; «социальное время серийного, направленного и кумулятивного типа: открытие эволюции как «прогресса»... Макро- и микрофизика власти сделали возможным... органическое вхождение временного, единого, непрерывного, кумулятивного измерения в отправление контроля и практики подчинений». Один из центральных выводов «Н.иН.» следующий: «Власть в иерархизированном надзоре дисциплин — не вещь, которой можно обладать, она не передается как свойство; она действует как механизм... Благодаря методам надзора «физика» власти — господство над телом — осуществляется по законам оптики и механики, по правилам игры пространств, линий... и не прибегает, по крайней мере в принципе, к чрезмерности, силе или насилию». Искусство наказывать в режиме дисциплинарной власти, по мысли Фуко, не направлено на репрессию. Оно: 1) соотносит действия и успехи индивида с неким целым; 2) отличает индивидов друг от друга; 3) выстраивает их в иерархическом порядке; 4) устанавливает таким образом степень соответствия тому, что должно достигнуть; 5) определяет внешнюю границу ненормального. Оно нормализует.

Через дисциплины проявляется власть Нормы. Она, по Фуко, присоединилась к ранее существовавшим властям: Закона, Слова и Текста, Традиции. Важнейшей формой осуществления дисциплин выступает экзамен — сочетание «надзирающей иерархии и нормализующей санкции».

Он, в частности, «вводит индивидуальность в документальное поле»; «превращает каждого индивида в конкретный «случай»; «находится в центре процедур, образующих индивида как проявление и объект власти, как проявление и объект знания». Фуко формулирует важный момент: в дисциплинарном режиме «индивидуализация» является нисходящей: чем более анонимной и функциональной становится власть, тем больше индивидуализируются те, над кем она отправляется.

В системе дисциплины ребенок индивидуализируется больше, чем взрослый, больной — больше, чем здоровый, сумасшедший и преступник — больше, чем нормальный и законопослушный. Если надо индивидуализировать здорового, нормального и законопослушного взрослого, всегда спрашивают: много ли осталось в нем от ребенка, какое тайное безумие несет в себе, какое серьезное преступление мечтал совершить. Как утверждает Фуко, «все науки, формы анализа и практики, имеющие в своем названии корень «психо», происходят из этого исторического переворачивания процедур индивидуализации. Момент перехода от историко-ритуальных механизмов формирования индивидуальности к научно-дисциплинарным механизмам, когда нормальное взяло верх над наследственным, а измерение — над статусом (заменив тем самым индивидуальность человека, которого помнят, индивидуальностью человека исчисляемого), момент, когда стали возможны науки о человеке, есть момент, когда были осуществлены новая технология власти и новая политическая анатомия тела».

А.А. Грицанов